

УДК 902.2

Обзорная статья

DOI 10.52575/2687-0967-2022-49-2-450-460

Надгробия со следами окраски с кладбища при храме во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Роще

Васильева Е.Е.

Институт археологии Российской академии наук,
Россия, 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
E-mail: veda_lv@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье представлены результаты исследования наземной части некрополя Нового времени. Работы проводились с помощью как классических методов – осмотр, обмеры, фотофиксация, расшифровка надписей, так и с применением новых методов, таких как использование ГИС-технологий для установления границ памятника и топографии кладбища. Особое внимание в статье уделено вопросу окрашивания надгробий. Несмотря на то, что в настоящий момент ученые сходятся во мнении, что изначально надгробия были полихромными, находки их довольно редки, что объясняется недолговечностью красочного слоя в условиях нахождения памятника на открытом воздухе. В связи с этим необходимо введение в научный оборот еще нескольких столь редких находок.

Ключевые слова: Калужская область, г. Боровск, надгробия XVIII–XIX вв.

Для цитирования: Васильева Е.Е. 2022. Надгробия со следами окраски с кладбища при храме во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Роще. *Via in tempore. История. Политология.* 49 (2): 450–460. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-450-460

Grave monuments with traces of painting from the cemetery at the church in the name of the Nativity of the Theotokos in Roshcha

Elena E. Vasileva

Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences,
19 Ulyanova St., Moscow 117036, Russia
E-mail: veda_lv@mail.ru

Abstract. This article presents the research results of the ground part of the Post medieval necropolis. For setting boundaries of the archaeological site and the topography of the cemetery classical as well as new research methods were implemented, for example, the GIS technologies. Grave monuments of various types became the object of study: imitation of sarcophagi, tomb chapels, slabs. Particular attention is paid to the monuments, which carry traces of painting. Such traces were found on nine grave monuments, eight of them are an imitation of a sarcophagus, one is a stand-monument with a lost dominant (probably in form of a cross). In this cemetery, red, green, blue / light blue colors are met for the background design and black for the inscriptions. Such finds are rare, because the paint layer is short-lived. Despite the fact that it is scientifically proven that the original tombstones were polychrome, the author raises the question of the initial or subsequent color of separate tombstones. It is proven that some monuments were colored at a later date. An analysis of visibility of this group of monuments from the side of the church and paths was also carried out.

Keywords: Kaluga region, Borovsk city, grave monuments of the 18th – 19th centuries

For citation: Vasileva E.E. 2022. Grave monuments with traces of painting from the cemetery at the church in the name of the Nativity of the Theotokos in Roshcha. *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 450–460 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-450-460

Введение

В октябре 2018 г. был произведен визуальный осмотр наземной части кладбища при храме во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Роще (Калужская область, Боровский район, г. Боровск, ул. Шмидта, д. 35). Памятник уникален тем, что дошел до нас практически в неизменном виде, и, несмотря на то что на кладбище по-прежнему производятся захоронения, на нем сохранилось большое количество намогильных памятников, часть из которых расположено *in situ*. Работы проводились с целью выявления месторасположения захоронений XVIII–XIX вв., уточнения локализации некрополя, оценки степени сохранности намогильных памятников.

Храм расположен на Старой дороге из Боровска в Пафнутьев монастырь, на господствующей высоте, на горке над поймой р. Протвы, на левом ее берегу, значительно выше селения, террасами спускающегося к реке. Впервые упоминается в 1654 г. как храм во имя Успения Пресвятой Богородицы с приделом святого апостола Андрея Первозванного в «служной» слободе Пафнутьева монастыря¹⁶³. Постройка представляла собой деревянную церковь с трапезной. Существующее здание Рождественской церкви возведено в 1708 г. на месте обветшавшей деревянной. В 1879 г. вокруг храма и существовавшего при нём погоста поставили кирпичную ограду. В настоящий момент и церковь, и кладбище продолжают функционировать, причем размеры участка, занимаемого кладбищем, остались прежними, поскольку ограда не переносилась.

Объект и методы исследования

В рамках исследований проведена низковысотная аэрофотосъемка с беспилотного квадрокоптера Phantom 3 Standart, которому были заданы координаты в программе Pix4Dcaptur. При камеральных работах полученные фото были обработаны в программе Agisoft Photoscan. В результате были получены цифровые модели местности, трехмерное изображение и панорамное ортофото. Следующим шагом была переобработка полученных моделей в программе ArcGIS 10.2.1. Таким образом, была составлена топографическая карта исследуемого участка, получены фотограмметрические изображения. Были установлены границы памятника (в пределах церковной ограды) и его площадь [Васильева, 2020, с. 162]. Обнаруженные в ходе обследования намогильные памятники, здание церкви и кладбищенская ограда нанесены на топографическую карту согласно взятым GPS-координатам, что позволяет судить о топографии кладбища. Проведена фотофиксация намогильных памятников, их описание, включающее в себя также расшифровку надписей.

Результаты и их обсуждение

В 2008 г. в рамках работ по обобщению сведений по боровским кладбищам и личностям захороненных В.И. Абакуловым и В.В. Бубликовым в числе прочих был произведен осмотр в том числе и кладбища при церкви во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Роще. Всего было выявлено 56 дореволюционных памятников. Сравнение количественных результатов работ показывает, что некоторые надгробия, упомянутые исследователями, за прошедшие десять лет с территории кладбища исчезли, а некоторые, обнаруженные нами в 2018 г., не указаны в Синодике погребённых, составленном по итогам изучения сохранившихся дореволюционных надгробий, выявленных на кладбищах бывшего Боровского уезда [Абакулов, 2011, прил. 1]. В ходе обследования 2018 г. зафиксировано 43 намогильных памятника XVIII–XIX вв., таким образом, за десять лет утрачено около 25 % сооружений. Несмотря на такое неутешительное заключение, можно говорить о том, что в целом комплекс кладбища имеет относительно хорошую сохранность – к примеру, все ис-

¹⁶³ Храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Роще. URL: <https://borovsk.org/hramrogdestva/> (дата обращения: 24 января 2022).

торические кладбища Звенигорода и его округа за такой же период времени оказались полностью поглощены современными захоронениями ¹⁶⁴.

Установлено, что часть надгробных памятников кладбища при храме во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Роше, вероятно, расположена *in situ*. В отдельных случаях оказалось возможным установить наличие основания под ними. Некоторые надгробия перемещены со своих первоначальных мест в рамках работ по устройству новых захоронений. Одно из наиболее ранних надгробий – указана дата смерти 1776 г. – использовано в качестве строительного материала для южного крыльца церкви (вероятно, после постройки храма производились ремонтные работы) ¹⁶⁵.

Надгробия, зафиксированные *in situ*, расположены преимущественно к северу и северо-востоку от существующего здания храма. Несколько памятников находится с южной стороны от входа в церковь. Кладбище имеет рядную систему, в ходе осмотра не выявлено отдельно выделенных участков древнего и современного кладбища, все надгробия располагаются рядом друг с другом, нередко даже имеют единую ограду.

Большинство встреченных памятников представляют собой надгробия в форме саркофага [Беляев, 2000, с. 77] ¹⁶⁶, пришедшие на смену белокаменным плитам в первой половине XVIII в. [Шокарев, 2015, с. 10]. Продольное сечение всех обнаруженных саркофагов имеет форму трапеции, что характерно для такого типа надгробий, начиная с последнего десятилетия XVIII в. [Ковшарь, 2003]. Встречено также несколько памятников-тумб, у которых отсутствует верхняя доминанта ¹⁶⁷ (по другой классификации – надгробные часовни [Святославский, 2004, с. 98]), самыми редкими памятниками являются плиты. Надгробия преимущественно выполнены из известняка, однако встречены памятники из гранита и мрамора ¹⁶⁸.

Надгробия, имитирующие саркофаг, разнообразны – встречены как памятники, во все не несущие на себе декора или надписей, так и памятники, украшенные рельефом. В отдельных случаях рельеф выполнен и на крышках саркофагов – как правило, невысокий рельеф в виде Голгофского креста, что в очередной раз подтверждает сомнения исследователей в распространении запрета изображения креста на горизонтальной поверхности на надгробия [Беляев, 1996а, с. 37]. Крышка одного надгробия имеет очертания человеческой фигуры.

Торцы саркофагов украшены эпитафиями-молитвами, композицией основания Голгофы с черепом Адама и орудиями страстей, рельефными рамками, в отдельных случаях содержащими надписи, фигурами ангелов, растительным орнаментом.

Боковые стенки чаще всего в центральной части содержат многострочную надпись в рамке, по краям обрамленной клеймами (или розетками [Беляев, 1993, с. 31]). Одну сторону занимают сведения о покойном/покойной, структура текста стандартная (Беляев, 1996б, с. 264–265). На второй стороне, так же в рамке, расположена одна или несколько эпитафий. Система размещения текстов и изображений на поверхности надгробия также стандартная – на восточном торце саркофага присутствует только изображение Адамовой головы, южный фасад несет на себе текст с данными об умершем, северный – текст, передающий скорбь

¹⁶⁴ Описание исторических кладбищ см. в [Алексеев, 2013]. Сведения о полном уничтожении упомянутых памятников предоставил он же.

¹⁶⁵ Примечательно, что это надгробие в виде плиты не было обнаружено в ходе обследования территорий кладбищ региона: см. [Жердева и др.].

¹⁶⁶ В литературе фигурируют близкие по смыслу обозначения данного типа надгробных сооружений – саркофаг или надгробие-саркофаг [Святославский, 2004, с. 98].

¹⁶⁷ Классификация, предложенная научным сотрудником отдела этнографии Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси на конференции «POST MORTEM. Погребальные памятники в историко-культурном пространстве: проблемы изучения и сохранения», 9–11 ноября 2016 года.

¹⁶⁸ Определено посредством визуального осмотра.

близких, на западном фасаде помещается молитва [Ковшарь, 1997]. На территории исследуемого некрополя чаще всего встречается наиболее распространенное [Святославский, 2004, с. 137] в русской эпитафии нового времени выражение *Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии своем*. Отметим, что сам жанр эпитафии приходит в Россию на рубеже XVII–XVIII вв. под влиянием западной культуры [Нациевский, 2015, с. 117].

Следы окраски встречены на девяти надгробиях, их них восемь представляют собой имитацию саркофага, один – памятник-тумба с утраченной доминантой (вероятно, в виде креста). Все надгробия, сохранившие следы первоначальной окраски, белокаменные. На данном кладбище для оформления фона встречены красный, зеленый, синий/голубой цвета, для надписей – черный цвет (рис. 1).

Рис. 1. Ортофото участка исследований: а – каменная ограда; б – надгробные памятники XVIII–XIX вв. без следов окраса; в – надгробные памятники XVIII–XIX вв. со следами красноватого окраса; г – надгробные памятники XVIII–XIX вв. со следами зеленого окраса; д – надгробный памятник XIX в. со следами синей/голубой краски фона и надписью, оформленной черным цветом; е – надгробный памятник XIX в. с надписью, оформленной черным цветом

Fig. 1. Orthophoto of the research area: a – stone fence; b – grave monuments of the 18th – 19th centuries without traces of painting; c – grave monuments of the 18th–19th centuries with traces of a reddish color; d – grave monuments of the 18th–19th centuries with traces of green color; e – the grave monument of the 19th century with traces of blue / light blue background paint and black inscription; f – the grave monument of the 19th century with black inscription

Традиция прокрашивания надписей и фона исследователям белокаменных надгробий известна давно. Краску также использовали для нанесения временных надписей на надгробие [Беляев, 2007, с. 139]. Встречаются упоминания об использовании черной/синей краски и красной для заглавных букв [Беляев, 2007, с. 139; Беляев, 2015, см. илл. на с. 32]. Г.Д. Нетунахина пишет об использовании голубой, зеленой, красной краски и позолоты, приводя в качестве примера надгробие участника Семилетней войны Д.В. Голицына, стены и крыша белокаменного надгробия которого были покрыты зелеными листьями и завитками по голубому полю [Нетунахина, 1978]. Эта традиция встречается также и на территории зарубежных христианских некрополей – так, рельеф надгробий XIII в. в Ошакане (Республика Армения) усилен красной краской по белому фону [Петросян, 2007, с. 161, 162].

Следы красной окраски встречены нами на пяти надмогильных памятниках, лишь в одном случае окрас, хотя и слабо, фиксируется на обеих боковых стенках и торцах памятника. Этот памятник (№ 16), вероятно, расположен *in situ*, представляет собой имитацию саркофага, в плане и в сечении имеет трапециевидную форму, крышка многоскатная. На торце в изголовье имитации крышки вырезан крест с прямыми лопастями.

На боковых стенках по краям читаются округлые клейма, между ними – оформлены рамки прямоугольной формы. Заметно, что в рамки вписаны надписи, однако прочесть их не удалось по причине значительных утрат.

Торец в ножной части не имеет рельефа, в головной части в центре оформлена простая трапециевидная рамка, в которую вписана рамка ромбовидная. Свободное пространство по сторонам ее оформлено секторами клейм. По центру ромбовидной рамки заметны следы надписи, выполненной в три строки, прочесть ее также не удалось.

Красноватый окрас фиксируется по всем граням надгробия, за исключением имитации крышки, лучшая сохранность цвета фиксируется под «козырьком» крышки, в верхней части боковых стенок и торцов. Видно, что краска наносилась равномерно, без учета рельефа узора и наличия или отсутствия надписей.

В одном случае оказалось невозможным достоверно определить степень сохранности окраса, поскольку памятник № 12, будучи перемещенным, зажат между еще несколькими надгробиями так, что оказалось возможным изучить лишь его торцевую часть. Надгробие представляет собой имитацию саркофага. На торце в изножье размещена овальная рамка, внутри которой барельеф – композиция Голгофы с орудиями страстей. В рамку поверх барельефа нанесена надпись, однако она сильно затерта и не читается. Рамку венчает корона и обрамляют фигуры ангелов. Следы красноватой окраски равномерны, не привязаны к рельефной композиции, хорошо прослеживаются по всей площади, за исключением короны, ангельских голов и нижней части торца.

Еще три надгробия частично сохранили следы окрашивания лишь на одной из граней. Надгробие № 21 (вероятно, расположено *in situ*, представляет собой имитацию саркофага), имеет красноватый окрас только на торце в изножье, на котором расположен барельеф с композицией основания Голгофы с черепом Адама. Видно, что краска наносилась равномерно, без учета рельефа узора – цвет виден как на фоне, так и на части композиции. Надгробие № 27, вероятно, перемещенное, также представляет собой имитацию саркофага, в плане и в сечении имеет трапециевидную форму, крышка многоскатная.

На боковых стенках по краям читаются округлые клейма, между ними – оформлены рамки прямоугольной формы, в которые вписаны надписи, однако прочесть их не удалось по причине значительных утрат.

На боковой северной стенке, на фоне и части клейма видны слабо выраженные следы красноватой краски.

Надгробие № 33, вероятно, расположенное *in situ*, представляет собой памятник-тумбу с отсутствующей доминантой. Памятник в виде киота, обрамленный витыми колонками, на восточной грани в верхней части киота помещен четырехконечный крест. Красноватый окрас сохранился на южной грани памятника.

В двух случаях окраска зеленая. При этом надгробие № 7¹⁶⁹ (перемещенный памятник с отбитой головной частью), представляющее собой имитацию саркофага, несет следы окраса только на крышке, на которой зеленым цветом выделен Голгофский крест. На боковых стенках надгробия по краям читаются округлые клейма, между ними – оформлены рамки прямоугольной формы. На правой стороне надгробия заметно, что в рамку вписана надпись, настолько стертая, что не представляется возможным даже достоверно установить количество строк. Торцевая часть не украшена.

Еще один намогильный памятник – надгробие № 22 (перемещенное со своего первоначального места), также представляющее собой имитацию саркофага – весь окрашен зеленой краской, без учета рельефа узора. В местах утраты верхнего красочного слоя заметно, что предыдущий окрас был голубой.

На боковых стенках по краям читаются округлые клейма, между ними – оформлены рамки прямоугольной формы. На торце в изголовье оформлена круглая рамка, обрамленная по углам округлыми клеймами, в верхней части (изголовье имитации крышки) расположен барельеф в виде шестиконечного креста. В рамки вписаны надписи. Надпись на правой боковой стенке:

по [д сѣм к]амнемъ погребѣ
но тѣ[л]о[] бо [] мо [] и
[] тим [] а
СОКОЛОВА

[]
т[р]етьего [] дня¹⁷⁰

Левая боковая стенка и торец в изголовье содержат эпитафии. Надпись на левой боковой стенке:

мои любез[ны]и сродники
придите на сей [хлад]ный
камень возрите любовь
мою к вамъ помяните ду
шу мою кто ближнимъ
помогалъ тотъ всехъ лю
билъ душою того моги
ла и не зарастетъ травую
Надпись на торце в изголовье:

пом[яни]
господмен[я]
[когда]придешъ
во царствии
твоемъ

К сожалению, сохранившиеся фрагменты надписи не дают нам сведений о статусе усопшего. Нет возможности также соотнести данное надгробие с какой-либо семейной группой захоронений, расположенной на данном кладбище – единственный однофамилец усопшего – это священник Перемышльского собора Федор Андреевич Соколов, которому принадлежит надгробие № 23 настоящего некрополя.

Одно надгробие (№ 23) имеет на боковых стенках и торце в изножье следы синей краски фона, при этом рамки и клейма, а также боковые грани имитации крышки не закрашены. Выбитая надпись, судя по остаткам краски, была оформлена черным цветом, хотя следы краски видны только на правой боковой грани памятника. Памятник переме-

¹⁶⁹ В настоящем описании сохранена полевая нумерация надгробий.

¹⁷⁰ В уже упомянутом нами «Синодике погребенных...» это надгробие числится за номером 76, как принадлежащее Соколову Н. Тимофеевичу, 91 года (?).

щен, установлен на южном крыльце церкви, ориентирован по оси север – юг. Представляет собой имитацию саркофага, в плане и в сечении имеет трапециевидную форму, крышка плоская, с барельефом в виде Голгофского креста.

На боковых стенках по краям читаются округлые клейма, между ними – оформлены рамки прямоугольной формы. На торце в изголовье оформлена трапециевидная рамка с надписью внутри, торец в изножье декора не имеет.

Надпись на правой боковой стенке (рис. 2):

Подъ симъ камнемъ погр /еб/¹⁷¹

тно тело раба божіа свашчен

ика перемышльскаго собо

ра отца Феодара Андрее

вича Соколова

Надпись на левой боковой стенке:

скончалса 13 апрѣла 1887

года житія его

было 76 лет

Надпись на торце в изголовье:

господи п[р]и

ми его духъ

[съ] миромъ

На торце в изголовье следов окраса фона или надписи не фиксируется. Характер начертания надписей свидетельствует о том, что они наносились рукой не профессионального резчика. Подобные случаи описаны и исследователями белокаменных надгробий – несмотря на то, что, судя по всему, стоимость нанесения надписи была невысокой, и ее могли позволить себе все, кто покупал плиту, встречаются надписи-граффити [Беляев, 2007, 137].

Рис. 2. Намогильный памятник № 23 (священника Ф.А. Соколова) со следами синей/голубой краски фона и надписью, оформленной черным цветом
Fig. 2. The grave monument № 23 (of the priest F.A. Sokolov) with traces of blue / light blue background paint and black inscription

Надгробия с голубой окраской встречены, например, на Всехсвятском кладбище г. Тулы¹⁷².

¹⁷¹ Буквы «еб» расположены за пределами рамки.

¹⁷² См. надгробие Глаголева [Всехсвятское кладбище].

В одном случае встречено только подкрашивание надписи черной краской. Намогильный памятник № 35, вероятно, перемещен, имеются незначительные утраты в нижней части, представляет собой имитацию саркофага, в плане и в сечении имеет трапециевидную форму, крышка многоскатная. На боковых стенках по краям читаются округлые клейма, между ними – оформлены рамки прямоугольной формы, в которые вписаны надписи. Надпись на правой стенке имеет значительные утраты, прочесть ее не представляется возможным. На торце в изголовье оформлены две трапециевидные рамки, пространство между ними украшено растительным орнаментом, в верхней части (изголовье имитации крышки) расположен барельеф в виде орудий страстей. В пространство внутренней рамки вписана эпитафия. Торцы в ножной части не имеют орнамента и иных украшений.

Надпись на левой боковой стенке:

Любезныя мои сродницы приде[те]
и на сей хладный камень вы воззрите
[и любовь] мою к вамъ помяните и поменовен
душе моей сотворите! ни слезами но молитвами

кто ближним [помогал тотъ] всехъ любилъ душой
того и нѣ [зарастет могила] травой
Надпись на торце в изголовье ¹⁷³:

□
[]дѣши
Во царствии си

Буквы на левой боковой стороне памятника имеют окрас черной краской. Других следов окраса фона, рамок или розеток не обнаружено.

Заключение

Вопрос о том, является ли окрас намогильных памятников первоначальным или они были окрашены в более позднее время, остается открытым. По материалам кладбища при храме во имя Рождества Пресвятой Богородицы в Роще можно достоверно говорить о более позднем окрашивании лишь одного надгробия (№ 22), которое сохранило следы двух разновременных окрасок – в голубой и впоследствии в зеленый цвет. Кроме того, голубой окрас также, вероятно, не был изначальным, поскольку заметно, что голубая краска наносилась без учета рельефа и расположения надписей (рис. 3).

Расположение не перемещенных памятников также не проясняет этот вопрос – если памятник № 16, расположенный у края ныне существующей дорожки, ведущей от входа на кладбище к храму, равно как и памятник № 21, окрашенным торцом выходящий к незанятой могилами площадке вокруг церкви, могли быть подкрашены специально, то памятник № 33 расположен не в зоне свободной видимости.

То же можно сказать и относительно явно перемещенных надгробий – так, окрас букв эпитафии, расположенной на намогильном памятнике № 35 (памятник расположен у дорожки и хорошо виден идущим в храм), фиксируется на боковой стороне, обращенной от храма, соответственно, не виден с площадки вокруг церкви.

В зоне видимости расположено надгробие № 7, Голгофский крест на крышке которого мог быть специально подкрашен зеленой краской, однако изначально это было сделано или спустя некоторое время, достоверно установить не получится.

¹⁷³ Несмотря на утраты в двух верхних строках, восстановить эпитафию не составляет труда, поскольку она представляет собой уже вышеупомянутую распространенную выдержку из Евангелия от Луки (гл. 23): *Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии своем.*

Рис. 3. Намогильный памятник № 22 со следами вторичной окраски в зеленый цвет
Fig. 3. Grave monument № 22 with traces of secondary coloring in green

Интерес вызывает надгробие № 23, поскольку черной краской подведены буквы в надписи, дающей нам информацию о покойном, в частности о том, что усопший являлся священником Перемышльского собора. Надписи на остальных двух сторонах не подкрашены, хотя следы голубоватого фона фиксируются везде, кроме торца в изголовье. Можно с осторожностью предположить, что голубоватый окрас, к тому же выполненный с учетом рельефа, мог быть выполнен изначально, а вот буквы могли быть подкрашены и позднее.

Совершенно не ясно и время появления окраса на надгробии № 27, смещенном к ограде кладбища, поскольку оно не только не находится в зоне прямой видимости, но и труднодоступно для осмотра.

Список литературы

- Абакулов В.И., 2011. Историческая топография и локализация кладбищ Боровского района Калужской области. URL: http://www.borovskold.ru/content.php?page=qdbneujl_rus&id=12 (дата обращения: 17 января 2022).
- Алексеев А.В., 2013. Звенигородский некрополь. Исторические кладбища города и округи. Звенигород, ГБУК МО «Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей», 48, ил.
- Беляев Л.А., 1993. Проблема христианского и «языческого» в погребальном обряде средневековой Москвы. Конференция Истоки русской культуры (археология и лингвистика) 7–9 декабря 1993 г. Москва. Тезисы докладов: 29–32.
- Беляев Л.А., 1996а. Древнерусское надгробие: мир семантических загадок. Живая старина. 3: 36–39.
- Беляев Л.А., 1996б. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., Модус-Граффити, 572.
- Беляев Л.А., 2000. Древнерусское надгробие в контексте христианской культуры. Вестник РГНФ. 3: 71–83.
- Беляев Л.А., 2007. Лапидарная эпиграфика Москвы XV–XVII вв.: современные проблемы. Российская археология. 1: 133–142.

- Беляев Л.А., 2015. Археолог на кладбище. О чем рассказывают живым его находки в городах мертвых. Московское наследие. 3 (39): 28–35.
- Васильева Е.Е., 2020. Обследование некрополя церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Роще (г. Боровск). Археологические открытия. Т. 2018: 162–164.
- Всесвятское кладбище. URL: <https://regnum-mortuus.jimdo.com/некрополи/тула-тульский-край/тула-всесвятское-кладбище> (дата обращения: 25 января 2022).
- Жердева А.С., Абакулов В.И., Павлишак А.А. Сохранившиеся белокаменные надгробия и закладные доски XV–XVIII вв. на территории Калужской губернии. К составлению свода. URL: <http://kokm.ru/ru/po/nad/> (дата обращения: 21 января 2022).
- Ковшарь И.Г., 1997. Семантика изображений на надгробных памятниках XIX века тульского некрополя. Историко-археологические чтения памяти Н.И. Троицкого. Материалы. Тула. URL: <https://tiam-tula.ru/semantika-izobrazhenii-na-nadgrobnnykh/> (дата обращения: 21 января 2022).
- Ковшарь И. Г., 2003. Тульский некрополь: надгробные памятники конца XVIII – начала XX вв. Тульский краеведческий альманах: 128–133.
- Ковшарь И.Г., 2018. Тульский некрополь: белокаменная резьба XVIII века. В кн.: Жизнь в Российской империи: Новые источники в области археологии и истории XVIII века. М., Институт археологии РАН, Институт российской истории РАН: 71–73.
- Нациевский С., 2015. От Симеона Полоцкого до Сергея Каледия. Некрополь в русской литературе. Московское наследие. 3 (39): 116–120.
- Нетунахина Г.Д., 1978. Русское художественное надгробие второй половины XVIII – первой четверти XIX в. В кн.: Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф. Русская мемориальная скульптура: к истории художественного надгробия в России XI – начала XX в. М., Искусство, 312. URL: <http://sculpture.artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st018.shtml> (дата обращения: 17 января 2022).
- Петросян Г.Л., 2007. Хачкар: генезис, функции, иконография, семантика. Ереван, 393 (на арм. яз.).
- Святославский А.В., 2004. Традиция памяти в Православии. М., «Древлехранилище», 224, илл.
- Шокарев С.Ю., 2015. Московский некрополь. От курганов до мавзолея. Московское наследие. 3 (39): 4–13.

References

- Abakulov V.I., 2011. Istoricheskaja topografija i lokalizacija kladbishh Borovskogo rajona Kaluzhskoj oblasti [Historical topography and localization of cemeteries in the Borovsky district of the Kaluga region]. URL: http://www.borovskold.ru/content.php?page=qdbneujl_rus&id=12 (accessed 17 January 2022) (in Russian).
- Alekseev A.V., 2013. Zvenigorodskij nekropol'. Istoricheskie kladbishha goroda i okrug. Zvenigorod, GBUK MO «Zvenigorodskij istoriko-arhitekturnyj i hudozhestvennyj muzej», 48, il. [Zvenigorod necropolis. Historical cemeteries of the city and the surrounding area. Zvenigorod, GBUK MO «Zvenigorod Historical, Architectural and Art Museum», 48] (in Russian).
- Beliaev L.A., 1993. Problema hristianskogo i «jazycheskogo» v pogrebal'nom obrjade srednevekovoj Moskvy [The problem of Christian and «pagan» in the funeral rite of medieval Moscow. Conference: Origins of Russian Culture (Archaeology and Linguistics). December 7–9, 1993, Moscow. Abstracts: 29–32] (in Russian).
- Beliaev L.A., 1996a. Drevnerusskoe nadgrobie: mir semanticheskikh zagadok [Old Russian tombstone: the world of semantic riddles]. Zhivaja starina. 3: 36–39 (in Russian).
- Beliaev L.A., 1996b. Russkoe srednevekovoe nadgrobie. Belokamennye plity Moskvy i Severo-Vostochnoj Rusi XIII–XVII vv. [Russian medieval gravestone. White-stone slabs of Moscow and North-Eastern Russia XIII–XVII centuries]. М., Modus-Graffiti, 572 (in Russian).
- Beliaev L.A., 2000. Drevnerusskoe nadgrobie v kontekste hristianskoj kul'tury [Old Russian tombstone in the context of Christian culture]. Vestnik RGNF. 3: 71–83 (in Russian).
- Beliaev L.A., 2007. Current studies of the inscribed gravestones of the 15th – 17th-century Moscow. Russian archeology. 1: 133–142 (in Russian).
- Beliaev L.A., 2015. Arheolog na kladbishhe. O chem rasskazyvajut zhivym ego nahodki v gorodah mertvyh [Archaeologist at the cemetery. What do his finds in the cities of the dead tell the living?]. Moskovskoe nasledie. 3 (39): 28–35 (in Russian).

- Vasileva E.E., 2020. Obsledovanie nekropolja cerkvi Rozhdestva Presvjatoj Bogorodicy v Roshhe (g. Borovsk) [Investigation of the necropolis at the church in the name of the Nativity of the Theotokos in Roshcha (Borovsk)]. *Arheologicheskie otkrytija*. Vol. 2018: 162–164 (in Russian).
- Vsesvjatskoe kladbishhe [All Saints Cemetery]. URL: <https://regnum-mortuus.jimdo.com/nekropoli/tula-tul'skij-kraj/tula-vsesvjatskoe-kladbishhe> (accessed 25 January 2022) (in Russian).
- Zherdeva A.S., Abakulov V.I., Pavlishak A.A. Sohranivshiesja belokamennye nadgrobija i zakladnye doski XV–XVIII vv. na territorii Kaluzhskoj gubernii. K sostavleniju svoda [Preserved white-stone tombstones and embedded boards of the 15th – 18th centuries on the territory of the Kaluga province. To compiling a corpus]. URL: <http://kokm.ru/ru/po/nad/> (accessed 21 January 2022) (in Russian).
- Kovshar' I.G., 1997. Semantika izobrazhenij na nadgrobnih pamjatnikah XIX veka tul'skogo nekropolja [Semantics of images on tombstones of the 19th century in the Tula necropolis]. *Istoriko-arheologicheskie chtenija pamjati N.I. Troickogo. Materialy*. Tula. URL: <https://tiam-tula.ru/semantika-izobrazhenii-na-nadgrobnih/> (accessed 21 January 2022) (in Russian).
- Kovshar' I.G., 2003. Tul'skij nekropol': nadgrobnye pamjatniki konca XVIII – nachala XX vv. [Tula necropolis: tombstones of the late 18th – early 20th centuries]. *Tul'skij kraevedcheskij al'manah*: 128–133 (in Russian).
- Kovshar' I.G., 2018. Tul'skij nekropol': belokamennaja rez'ba XVIII veka [Tula necropolis: white stone carving of the 18th century]. In: *Zhizn' v Rossijskoj imperii: Novye istochniki v oblasti arheologii i istorii XVIII veka*. M., IA RAS, IRH RAS: 71–73 (in Russian).
- Nacievskij S., 2015. Ot Simeona Polockogo do Sergeja Kaledija. Nekropol' v russkoj literature [From Simeon of Polotsk to Sergei Kalediy. Necropolis in Russian literature]. *Moskovskoe nasledie*. 3 (39): 116–120 (in Russian).
- Netunahina G.D., 1978. Russkoe hudozhestvennoe nadgrobie vtoroj poloviny XVIII – pervoj chetverti XIX v. [Russian artistic tombstone of the second half of the 18th – first quarter of the 19th centuries]. In: *Ermonskaja V.V., Netunahina G.D., Popova T.F. Russkaja memorial'naja skulptura: k istorii hudozhestvennogo nadgrobija v Rossii XI – nachala XX v.* M., Art, 312. URL: <http://sculpture.artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000009/st018.shtml> (accessed 17 January 2022) (in Russian).
- Petrosyan H.L., 2007. Khachkar: The origins, functions, iconography, semantics. Erevan, 393 (in Armenian).
- Svjatoslavskij A.V., 2004. Tradicija pamjati v Pravoslavii [The tradition of memory in Orthodoxy]. M., «Ancient repository», 224, ill. (in Russian).
- Shokarev S.Ju., 2015. Moskovskij nekropol'. Ot kurganov do mavzoleja [Moscow necropolis. From kurgans to mausoleum]. *Moskovskoe nasledie*. 3 (39): 4–13.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 06.02.2022

Received 06.02.2022

Поступила после рецензирования 22.04.2022

Revised 22.04.2022

Принята к публикации 22.04.2022

Accepted 22.04.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Васильева Елена Евгеньевна, канд. ист. наук, младший научный сотрудник, Институт археологии Российской академии наук, г. Москва, Россия

Elena E. Vasileva, Ph.D., junior researcher, Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-2723-3184](https://orcid.org/0000-0002-2723-3184)